

УДК 94-3(571. 16)

ТОМСКИЙ ФИЛИАЛ ВЧК-ГПУ (1920 – 1925 гг.)

В. Н. Гузаров

TOMSK BRANCH OFFICE OF THE CHEKA-GPU (1920 – 1925)

V. N. Guzarov

Рассматривается становление губернской ЧК и пополнение ее кадрами коммунистов за счет мобилизации из центральных районов страны, а также из местных товарищей. Показано преследование чекистами бывших офицеров, эсеров, социал-демократов, кооператоров, студентов. Исследуется взаимоотношения партийных и советских структур со спецслужбой. Все начальники томской спецслужбы были людьми приезжими, не связанными с местной партийной организацией и городским обществом. Чекисты добились от партийных комитетов запрета коммунистам ручаться за своих арестованных товарищей. В 1920 г. лишь половина сотрудников ЧК состояла в коммунистической партии.

The paper considers the establishment of the guberniya's Cheka and its completion by communists using mobilization among the communists of the central regions of the country, as well as from the local comrades. The paper discovers the chekists' prosecution of former officers, the Socialist-Revolutionaries, Social Democrats, cooperators and students. We study the relations of the Communist party and the Soviet structures with Special Emergency Service. All chiefs of the Tomsk Emergency Committee were not native citizens, unrelated with the local party organizations and city community. Chekists forced the party committees into barring Communists vouch for their arrested comrades. In 1920, only half of the officials of the Cheka were members of the Communist Party.

Ключевые слова: ЧК (Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем), террор, коммунисты, враги, офицеры, оппозиционные партии, трибунал, доноительство.

Keywords: Cheka (The All-Russian Emergency Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage), terror, communists, enemies, officers, oppositional parties, tribunal, denunciation.

Становлению силовых структур советского государства посвящена довольно обширная литература. Коммунистические авторы изображали деятельность ВЧК-ГПУ исключительно позитивно, героически. Советские историки однозначно приветствовали репрессивные меры новой власти против побежденных соотечественников. Падение КПСС способствовало появлению объективных публикаций о чекистах. На основе сибирского материала, Г. Л. Олех первым обратился к проблеме тесной связи ЧК и Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)), и высказал предположение о доминировании партийных комитетов над структурами спецслужбы [8]. А. Г. Тепляков дал критическую оценку публикациям историков так или иначе связанных со спецслужбами и подвверг сомнению существование в 1920 г. белогвардейских заговоров в Томске [9]. В. И. Голоскоков и В. Н. Уйманов опубликовали краткие биографии начальников томской ЧК-ГПУ [1]. Отдельные сюжеты деятельности ЧК в 1920 г. освещены Н. С. Ларьковым [7]. Несомненный интерес представляет сборник документов «Из истории земли томской», подготовленный А. А. Бондаренко, В. А. Демешкиным, Е. Н. Косых, Н. С. Ларьковым, Б. П. Трениным [5]. Тем не менее интересующая нас проблема остается недостаточно разработанной. В имеющихся публикациях не затронуты многие вопросы: мобилизации в ЧК, размера жалования сотрудников, характера льгот, практики перевода чекистов из Сибири в центр страны, опыта привлечения коммунистов к роли осведомителей. Выяснение этих сюжетов позволит объективно оценить роль силовых структур в становлении советской власти.

В начале 1920 г. руководство Томской губернией по линии ЧК осуществлялось из Новониколаевска. Это вносило путаницу в процесс управления, поскольку до мая 1920 г. Томск рассматривался Сибир-

ским революционным комитетом (Сибревкомом) как уездный, а не губернский центр. В декабре 1919 г. Томскую уездную ЧК возглавил Матвей Давыдович Берман. Обязанности председателя Томской (Новониколаевской) губернской ЧК выполняла Вера Петровна Брауде. В апреле 1920 г. ее перевели в Томскую уездную ЧК. В феврале 1920 г. председателем Томской губернской ЧК назначили Александра Васильевича Шишкова.

Установление советской власти сопровождалось массовыми арестами ее противников. Уже в феврале 1920 г. в Томской тюрьме содержалось 780 заключенных, в том числе 320 так называемых контрреволюционеров. В январе-феврале 1920 г. Томская ЧК расстреляла не менее 42-х человек [9, с. 96, 116]. Особое подозрение у советской спецслужбы вызывали бывшие офицеры, эсеры и кооператоры. В марте 1920 г. томские чекисты разоблачены две антисоветские организации и расстреляли более 80 человек [5, с. 171]. Поспешное следствие и суровое наказание свидетельствовали о превышении чекистами своих полномочий. Сибревком и представительство ВЧК в Сибири выразили недоверие томской коллегии ВЧК и сместили ее руководителя А. В. Шишкова. 23 марта 1920 г. член коллегии томской ЧК В. П. Брауде подала заявление в губернское бюро РКП(б). Она возмущалась обвинениями в адрес чекистов, которые, по ее мнению, действовали не как убийцы и палачи, руководимые чувством мести, а как политические работники [5, с. 73 – 74]. На следующий день, 24 марта 1920 г., поступило аналогичное заявление членов коллегии губернской ЧК. Подписанты отклонили обвинения в свой адрес и переложили вину на партком и губернский ревком, санкционировавшие расстрел кооператоров. Авторы заявления подчеркивали, что на заседании коллегии ЧК, выносившей решение о расстреле

кооператоров, присутствовал Георгий Константинович Соболевский, член губернского ревкома. Силовики также утверждали, что центр не давал ясных указаний в отношении антисоветских элементов.

26 марта 1920 г. томскую губернскую ЧК возглавил М. Д. Берман. В отличие от А. В. Шишкова, он старался действовать в тесном контакте с губернским комитетом партии. 20 мая 1920 г. Матвей Давыдович обратился к городскому партийному комитету с призывом всеми силами содействовать сотрудникам ЧК. 2 июня 1920 г. М. Д. Берман вновь повторил свою просьбу на этот раз к губернскому бюро РКП(б). При этом он ссылался на решение VIII съезда РКП(б), согласно которому ни один коммунист не мог уклоняться от информирования ЧК. М. Д. Берман призывал посылать на работу в ЧК только старых коммунистов, поскольку служба в ЧК развращала молодых, и они нарушали законы, оправдывая свои действия защитой революции [5, с. 88 – 89].

В мае-июне 1920 г. в состав губернского бюро РКП(б) входили: А. И. Беленец, Д. И. Розенберг, А. П. Кирилов, В. Д. Вегман, К. И. Озол, П. А. Верхотуров, К. М. Молотов, Я. М. Познанский, Ф. Е. Орлов, И. М. Линецкий, М. И. Берман, Б. А. Бак, С. О. Челядин. Трое последних были чекистами. Летом 1920 г. антисоветские крестьянские восстания резко изменили политическую обстановку в Сибири. Угроза утраты власти РКП(б) была реальной. 16 июня 1920 г. общее собрание коммунистов Томска обсудило доклад М. Д. Бермана о борьбе с контрреволюцией. Заручившись поддержкой правящей партии, чекисты произвели массовые аресты. Коммунисты опасались объединения сил городских подпольных организаций с крестьянскими восстаниями. 27 июня 1920 г. на совместном заседании губревкома, губбюро РКП(б) и президиума городского парткома Матвей Давыдович доложил руководителям губернии о раскрытии и ликвидации белогвардейской и эсеровской подпольных организаций, готовивших на 11 июля антисоветское восстание в Томске. Руководитель ЧК информировал собравшихся, что 50 наиболее активных белогвардейцев уже расстреляны. М. Д. Берман заверил партийный актив, что связь белогвардейцев и эсеров установлена [10, л. 134]. Губревком и губбюро РКП(б) утвердили доклад чекиста. При этом М. Д. Берман не пояснил конкретной вины подозреваемых и их поспешного расстрела. Из сообщения М. Д. Бермана было неясно на каких условиях объединились белогвардейцы с социалистами-революционерами. 12 июля 1920 г. бюро губкома РКП(б) заслушало информацию М. Д. Бермана о ходе следствия и одобрило действия чекистов. На следующий день чекисты расстреляли 88 человек. Кроме того, 118 человек получили различные сроки заключения [11, л. 26 – 30]. В августе 1920 г. губернский ревком и ЧК открыли лагерь принудительных работ. Даже в ноябре 1921 г. половина заключенных лагеря не имела приговоров и фиксированных сроков заключения. В лагерном журнале помечалось: «до особого распоряжения», «военный дезертир», «трудовой дезертир» [2, л. 253].

Коммунисты были полны решимости продолжать гражданскую войну. 11 августа 1920 г. центр предоставил дополнительные полномочия губернским ЧК и трибуналам. Разрешалось заключать в лагерь на 5 лет даже тех, «в отношении коих дознанием не добыто

достаточно данных для преследования их судебным порядком» [5, с. 100]. В духе этих рекомендаций, выдержано заключение губернской ЧК по делу бывшего офицера П. Н. Далингера. За первые девять месяцев 1920 г. томские чекисты арестовали 6138 человек, в том числе 4087 за «контрреволюционную деятельность», 1376 – за бандитизм и другие преступления. При этом 330 человек было расстреляно [9, с. 152]. Заслуги товарищей по активной борьбе с противниками советского режима были оценены по достоинству. 10 августа 1920 г. Сибирское бюро ЦК РКП(б) (Сиббюро) откомандировало председателя губисполкома Совета А. И. Беленца в Москву. Через три дня руководитель губернской ЧК М. Д. Берман сдал дела Борису Аркадьевичу Баку и отбыл на Дальний Восток. Томские коммунисты высоко оценили его заслуги и наградили серебряным револьвером системы «Браунинг» [12, л. 278.]. 16 сентября 1920 г. президиум губкома сообщил в Сиббюро ЦК об отзыве из губернии М. Д. Бермана и назначении временным председателем ЧК Б. А. Бака [13, л. 29].

Новый начальник ЧК оказался недостаточно «твердым». Уже через месяц после его назначения партийные товарищи критиковали Б. А. Бака за ходатайства об освобождении арестованных, за попытку содействия своему брату Соломону Аркадьевичу в переводе из Мариинска в Иркутск. 4 августа 1920 г. губернский комитет запретил коммунистам просить ЧК об освобождении арестованных. В сентябре 1920 г. Б. А. Баку «поставили на вид», что он допустил обсуждение вопроса на общегородском собрании о ходатайстве ответственных работников за арестованных людей. 28 декабря 1920 г. губком РКП(б) объявил выговор Б. А. Баку и просил отозвать его из Томска ввиду утраты авторитета [13, л. 31]. 24 сентября 1920 г. в Томск поступила телеграмма от начальника ЧК Сибири И. П. Павлуновского о назначении руководителем томской ЧК Самуила Гдальевича Чудновского, принимавшего участие в допросе А. В. Колчака в Иркутске. 14 сентября 1920 г. собрание коммунистов-чекистов просило вернуть М. Д. Бермана, не имея ничего против С. Г. Чудновского.

25 октября 1920 г., на первом губернском съезде Советов, глава Сибревкома И. Н. Смирнов обсудил с местным активом телеграмму Ф. Э. Дзержинского по предотвращению антисоветских восстаний в воинских частях, размещенных в пределах губернии. Рекомендовалось обратить особое внимание на отдельных лиц, способных играть видную роль при возникновении угрозы восстаний. Губернская ЧК активно работала в этом направлении. 16 ноября 1920 г. губернский комитет РКП(б) одобрил доклад председателя губчека С. Г. Чудновского по выявлению так называемых белогвардейских организаций. Губком признал политическую линию ЧК правильной. На работу в силовую структуру дополнительно направили: Штранфельда, Кучковского, Яна Цеберга и других. Это были в основном молодые люди: от 19 до 33 лет. В октябре 1920 г. начальник Томской ЧК получал в месяц по 9 разряду 6800 рублей (26,5 долларов), а его помощник – 6200 рублей. Председатель губернского исполкома имел меньше – 4680 рублей [3, л. 340, 369].

С. Г. Чудновский менее года проработал в Томске. Во время личного конфликта между партийными и советскими руководителями Томской губернии он по-

страдал как «сторонник председателя губернского исполкома». В мае 1921 г. большинство членов Томского губкома РКП(б) высказали недоверие председателю губисполкома и руководителю местной ЧК. Партийное руководство губернии признало ненормальным положение дел в ЧК. Полномочный представитель ЧК по Сибири И. П. Павлуновский поддержал С. Г. Чудновского, однако Сиббюро ЦК решило не обострять конфликт и обновило состав руководства Томской губернии, в том числе и ЧК. Новым начальником губернской ЧК назначили Михаила Ивановича Подгайского. 15 июня 1921 г. вместе с ним в Томск из Омска прибыла новая коллегия губернской ЧК: Василий Федорович Беляев, Иван Иванович Слепченко, Ильиных. Прибывшие товарищи провели тщательную ревизию дел, чтобы показать недоработки предшественников. В ходе проверки оказалось, что из содержащихся под следствием 410 человек, 280 ни разу не были допрошены, в заключении содержались также старики и неграмотные люди, не представлявшие опасности для власти [14, л. 88]. Новые руководители ЧК пытались устранить отмеченные недостатки. 21 июля 1921 г. Томский губком РКП(б) утвердил очередную коллегию губернской ЧК, а на следующий день аналогичное решение принял губисполком. Президиум губкома РКП(б) направил на укрепление коллегии ЧК 30 коммунистов.

Новый руководитель ЧК также тесно сотрудничал с губернским комитетом партии, но не избежал критики в свой адрес. 7 сентября 1921 г. на пленуме губкома РКП(б) секретарь организационного отдела М. Н. Рютин высказал опасения в том, что в обстановке голода и разрухи «белогвардейцы еще раз могут попытаться сорвать советскую власть». Он призывал к укреплению губернской ЧК, критиковал ее сотрудников за пьянство. 11 сентября 1921 г. чекисты направили в губернский комитет РКП(б) заявление, опровергавшее обвинения М. Н. Рютина. Пьянство, присваивание чужих вещей при обысках, незаконные аресты, – все это связывалось с прежней коллегией губернской ЧК. В заявлении подчеркивалось, что новое руководство наоборот боролось с подобными явлениями. Из заключения освободили 250 человек из 510 арестованных, сократили сроки следствия. Чекисты назвали высказывания М. Н. Рютина «незаслуженной пощечиной». Секретарь губкома РКП(б) В. А. Строганов и председатель губернского исполкома Совета Н. П. Теплов уговаривали члена Сиббюро ЦК РКП(б) Е. М. Ярославского убраться М. Н. Рютину из Томска. В конце 1921 г. Сиббюро передало М. Н. Рютину в Дагестан. М. И. Подгайский уехал в Псковскую губернию.

15 февраля 1922 г. президиум губернского исполкома Совета принял к сведению телеграмму И. П. Павлуновского об утверждении Василия Федоровича Беляева председателем губернской ЧК. В январе 1922 г. зарплата В. Ф. Беляева составляла 1236890 рублей или 593 доллара. И. В. Богданов, И. И. Слепченко и М. Р. Матвеев получали по 1145240 рублей [4, л. 90 – 91]. По сравнению с октябрём 1920 г. жалование руководителя спецслужбы увеличилось более чем в 20 раз. Кроме того, чекисты были зачислены на все виды довольствия. 18 августа 1923 г. губернский исполком Совета освободил сотрудников ГПУ от расходов по оплате коммунальных услуг. Помимо В. Ф. Беляева в коллегию ГПУ входили: Богданов Иван Емельянович, Соболевская Екатерина Николаевна, Матвеев Михаил

Романович, А. М. Дмитриева, Н. В. Макаренко, М. И. Голубева. С февраля 1923 г. по сентябрь 1925 г. губернским отделом ГПУ руководил Михаил Алексеевич Филатов, а затем – Самуил Лазаревич Гильман. Бюро губкома РКП(б) одобрило назначение этих товарищей. Высшая партийная власть губернии не возражала против утверждения в должности других руководящих сотрудников ГПУ: Федора Авксентьевича Сова-Степняка, Михаила Митрофановича Чунтунова, Семёна Матвеевича Буда.

На службу в ЧК брали людей преданных советской власти. Таковых находили, прежде всего, среди коммунистов, поскольку, вступавшие в правящую партию проходили определенную проверку. Партийные комитеты постоянно пополняли ЧК кадрами. В январе 1920 г. в Томской губернской ЧК служило 60 сотрудников, а к началу февраля – 130 [9, с. 50]. К августу 1920 г. транспортная ЧК водников губернии насчитывала 44 сотрудника, 23 из которых были коммунистами [15, л. 76]. 28 марта 1920 г. руководство районной транспортной ЧК Томской железной дороги просило губернский комитет РКП(б) прислать 14 надежных товарищей для занятия конторских должностей в секретно-оперативном отделе. 9 мая 1920 г. ЧК запросила у губернского комитета РКП(б) уже 100 человек. На подобные запросы не было отказов. 17 сентября 1920 г. постановление Совета Труда и Оборона (СТО) приравнивало сотрудников ВЧК к военным служащим действующей Красной армии. Эта мера ускорила комплектование губернской ЧК. Уже в начале 1922 г. в губернской ЧК служило много женщин: Брун Юлия Лукьяновна, Соболевская Екатерина Николаевна, Черденченко Валентина. Все 12 служащих почтового телеграфного отдела были женщинами. В мае 1921 г. в Томск прибыл отряд дорожно-транспортной ЧК в составе 200 человек с целью ускорить вывоз продовольствия из губернии в центр страны. В июле 1921 г. Томский батальон ВЧК насчитывал 877 военнослужащих, 56 из которых были коммунистами. В партийной ячейке губернской ЧК состояло 62 коммуниста.

Некоторые коммунисты считали службу в ЧК временной и пытались вернуться к своей прежней профессии. 19 февраля 1921 г. коммунист П. П. Соколов, прослужив в ЧК год, подал заявление в губернский комитет РКП(б) с просьбой направить на другую работу. Партийный комитет отказал. В июне 1921 г. просил освободить от службы в ЧК Сергей Осокин – уполномоченный по Кольчугинскому району, бывший подпольщик. А. Н. Пятницкий служил в Томской ЧК со дня ее основания. Ссылаясь на плохое здоровье, подорванное тюрьмой, он просил отпустить его в центр на литературную работу. А. Н. Пятницкий, которому было 22 года, писал: «Как старый работник на одном месте имею право на переброску в другую губернию» [16, л. 17]. В январе 1923 г. ГПУ удовлетворило просьбу Арабкина Ивана Дмитриевича о переводе его в систему торговли. Товарищ жаловался, что не имел юридического образования. В январе 1923 г. ГПУ откомандировало в Нарым Урицкого Павла Михайловича, который официально занимал должность в системе Народного комиссариата финансов. В мае 1923 г. П. М. Урицкий просил освободить его от финансовой работы, а через три месяца – перевести его в другое место, где возможно поправить пошатнувшееся здоровье.

Подчиняясь Москве, местная ЧК тем не менее информировала губернские власти о своих действиях. В августе 1920 г. Томская ЧК сообщала губернскому комитету РКП(б), об аресте члена партии, инструктора Всеобуча бывшего офицера Братина, обвиняемого в контрреволюционной деятельности. Если обвинение было достаточно серьезным, то партийный комитет спешно исключал такого человека из РКП(б). Под влиянием родственников, соседей и знакомых, коммунисты пытались ходатайствовать об освобождении людей, арестованных ЧК. Множество подобных прошений побудило губернский комитет РКП(б) 4 августа 1920 г. принять решение о недопустимости ручательств коммунистов за арестованных губернской ЧК. Троице коммунистам за подобное заступничество объявили выговор [17, л. 23]. Некоторые коммунисты воспринимали всех арестованных как врагов советской власти.

Каждая государственная структура отстаивала свои интересы. Конфликт интересов возникал обычно при аресте ЧК сотрудника партийного или советского аппарата. Иногда партийный комитет требовал от ЧК пересмотра дела. 15 сентября 1920 г. президиум губернского комитета РКП(б) постановил: «Предложить губчека в срочном порядке пересмотреть дело Бырганова в присутствии представителя губкома, каковым назначить тов. Озола» [17, л. 52]. 8 ноября 1920 г. президиум губисполкома предложил ЧК разослать циркуляр о запрещении производства арестов ответственных работников без предварительного уведомления Губернского совета народного хозяйства (ГСНХ) и коллегии губернского продовольственного комитета. 3 декабря 1920 г. на заседании губкома РКП(б) выяснилось, что в Каинском уезде слежка ЧК за ответственными партийными работниками стала обычным явлением. Губком РКП(б) обещал послать комиссию и разобраться. На этом заседании присутствовал чекист Б. А. Бак. Подобные конфликты были достаточно редкими.

Губернская партийная контрольная комиссия (КК) следила за тем, чтобы чекисты не злоупотребляли своими полномочиями. 27 мая 1921 г. губернская КК разбирала дело П. А. Бруна – секретаря губчека, который освободил Кочегурова с Валентиновского стекольного завода и извлек от этого выгоду. Партийная комиссия отстранила его на год от работы в ЧК и объявила строгий выговор с занесением в личное дело. 12 октября 1921 г. ЧК сообщила секретарю губкома РКП(б), что коммунист Дмитриев Александр Иванович спекулировал солью и расконспирировал себя как секретного осведомителя ЧК. 28 февраля 1922 г. губком получил циркуляр ЦК РКП(б) согласно которому, при возбуждении дел против коммунистов судебные учреждения обязаны поставить в известность местный партком. Силовики должны были сообщать об аресте минимум через сутки. Местному партийному комитету предоставлялась возможность ознакомиться с делом. Судебные органы благосклонно относились к сотрудникам ЧК. В июле 1922 г. ночью пьяный красноармеец войск ГПУ Лебедев обиделся на замечание женщины-сторожа и попытался ее арестовать. Сторож-мужчина заступился за женщину, а Лебедев прострелил ему голову. Редакция губернской газеты оправдала сотрудника ГПУ и сообщила о переводе

его на другую должность, не связанную с ношением оружия [6, 17 дек.].

28 марта 1924 г. заседание президиума Томского губкома РКП(б) обсуждало вопрос о плановой переброске сотрудников губернского отдела ГПУ Кобецкого Марка Самуиловича, Давыдова и Карташова в другие регионы. Во многом это была формальная процедура, поскольку партийный комитет не имел информации о деятельности этих коммунистов. В январе 1925 г. на закрытых заседаниях президиума губкома приняли кандидаты РКП(б) секретных сотрудников ГПУ Крупина, Смирнова, Оголихина, Чекмарева, Пинегина, Кишкина. 14 сентября 1925 г. циркуляр ЦК РКП(б) разрешил принимать в партию оперативных сотрудников ГПУ как военнослужащих.

Большое внимание чекисты уделяли выявлению бывших эсеров, вступивших в коммунистическую партию. При этом они запрашивали у губернского комитета соответствующую информацию из личных дел коммунистов. 14 октября 1925 г. губернский отдел ГПУ просил губком РКП(б) прислать им списки всех бывших эсеров, как правых, так и левых, с указанием места службы или адреса. В Нарымском крае ссыльные меньшевики и эсеры критиковали советскую власть, указывали на нарушение законности. 22 марта 1922 г. циркуляр ЦК РКП(б) предписал всем местным партийным комитетам приступить к созданию Бюро содействия (БС) органам ГПУ в составе трех человек в каждом советском учреждении. Задачи новоявленного органа определялись следующим образом: «БС берет на учет выявленных членов антисоветских партий и прочего контрреволюционного элемента, заполняя на каждое лицо специальную секретную анкету» [18, л. 43]. Бюро содействия обязывались наблюдать за эсерами и меньшевиками по указанию органов ГПУ и давать необходимые справки. Тем самым коммунистов пытались превратить в осведомителей спецслужбы.

Бюро содействия ГПУ создавались с трудом и работали формально. Чтобы стимулировать их деятельность созывались совещания так называемой государственно информационной тройки. От губкома РКП(б) в тройку входил Ветошников, от губисполкома – Максимов и от ГПУ – Соколов. На заседании этой тройки 19 октября 1922 г. выяснилось, что за четыре месяца губернский комитет РКП(б) и губисполком не дали никаких сведений для ГПУ. Аналогичным образом поступили и другие советские учреждения губернского уровня, которые сообщали минимум о своей работе. Иногда на заседания тройки присылали некомпетентных беспартийных.

В условиях упрочения советской власти, далеко не все коммунисты одобряли репрессивные меры ГПУ. 4 июня 1923 г. пленум губкома РКП(б) заслушал доклад начальника губотдела ГПУ М. А. Филатова. Резкой критике были подвергнуты те товарищи, которые уклонялись от помощи спецслужбе. Решение пленума губкома предписывало партийцам бороться с взглядами на структуры ГПУ, «как на специфически карательные и органы сыска». Пленум предлагал всем секретарям парткомов «усилить связь с органами ГПУ на местах и строго оберегать их от всяческих имеющихся и могущих быть несправедливых нападок, как на органы ГПУ в целом, так и на отдельных работников» [19, л. 136]. С декабря 1923 по апрель 1924 г. бюро содействия ОГПУ работало по-прежнему слабо. Чекисты

неоднократно жаловались в губком РКП(б) на коммунистов, которые не выполняли задания спецслужбы и не умели хранить служебной тайны.

Важным направлением в деятельности ЧК было выявление офицеров, воевавших против Красной армии. При этом чекисты пользовались указанием центра о необязательности сбора всех доказательств вины подозреваемого. В январе 1921 г. ЧК выявила и осудила на сроки от трех до пяти лет бывших офицеров: Перчука Якова Николаевича, Топорского Николая Ивановича, Антоненко Ивана Лаврентьевича и других. 8 августа 1922 г. на закрытом заседании президиума губернского комитета РКП(б) начальник отдела ГПУ Рудзит Роберт Карлович отчитывался о чистке кооперативного союза от эсеров и недостойных коммунистов. В итоге уволили несколько неблагонадежных кооператоров. Против 16 бывших эсеров так и не удалось собрать компрометирующих материалов. В этом обвинили чекиста Степана Иосифовича Челядина, неопытные свидетели которого раскрыли себя. С. И. Челядин занимал также должность заместителя заведующего организационным отделом губернского комитета партии, пытался учиться на медицинском факультете университета. В январе 1925 г. был откомандирован в Москву для учебы в кооперативном вузе, где ему предоставили квартиру и стипендию.

С августа 1922 г. началась всероссийская кампания против эсеров, которая закончилась громким судебным процессом. Коммунисты стремились внушить людям, что партия эсеров полностью дискредитировала себя и распалась без всяких репрессий извне. Важную роль в этой пропагандистской кампании играли заявления бывших эсеров об окончательном разрыве со своим

руководством. Партийные комитеты в тесном контакте с ГПУ готовили подобные заявления. При этом соблюдались необходимые меры предосторожности. Секретарь губкома РКП(б) В. А. Строганов опасался каких-либо несанкционированных заявлений бывших социалистов-революционеров. 5 декабря 1922 г. закрытое заседание президиума Томского губкома РКП(б) решило провести съезд бывших эсеров, перешедших в компартию, «но в рамках, указанных директивами ГПУ» [20, л. 78]. 12 декабря 1922 г. очередное закрытое заседание президиума губкома РКП(б) приняло к сведению информацию помощника прокурора Ивана Михайловича Дорофеева о высылке в Нарымский край группы социалистов-революционеров. 4 сентября 1922 г. Томский отдел ГПУ запросил у губкома РКП(б) адреса 53-х исключенных из рядов коммунистов. Через месяц губком заслушал доклад об арестованных меньшевиках, эсерах и сионистах.

В изучаемый период руководители ВЧК-ГПУ по Томской губернии назначались сибирским центром. Тем не менее местный губернский комитет РКП(б) и губисполком утверждали их в должности. С 1922 г. эта процедура стала формальной. Начиная с 1922 г. В. Ф. Беляев, М. А. Филатов и С. Л. Гильман уже не слышали критики в свой адрес. Жесткое подавление противников советской власти в Томске способствовало карьерному росту чекистов и переводу их в центральные районы страны. Главный удар чекисты наносили по бывшим офицерам, социалистам-революционерам и социал-демократам. Спецслужба не испытывала недостатка в сотрудниках. Томские чекисты внесли важный вклад в укрепление советской власти в губернии.

Литература

1. Голоскоков И. В., Уйманов В. Н. На страже: очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников. Томск, Красное знамя, 2008.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 170.
3. ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 97.
4. ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 511.
5. Из истории земли Томской 1917 – 1921: народ и власть // сб. материалов и документов. Томск, 1997.
6. Красное знамя. 1922.
7. Ларьков Н. С. Гражданская война. Энциклопедия Томской области. Т. 1. Томск, 2008.
8. Олех Г. Л. Кровавые узы РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х гг.: механизм взаимоотношений. Новосибирск, 1999.
9. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918 – 1929 гг. М.: АИРО-XXI, 2007.
10. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 338.
11. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
12. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 166.
13. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21.
14. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13.
15. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 697.
16. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 746.
17. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19.
18. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7.
19. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103.
20. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73.

Информация об авторе:

Гузаров Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения Национального исследовательского Томского политехнического университета, vladimirguzarov@mail.ru.

Vladimir N. Guzarov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History and Region Studies, National Research Tomsk Polytechnic University.

Статья поступила в редколлегию 21.12.2015 г.